

Яркий солнечный свет заставил его прищуриться, а лицо озарилось таким сиянием, что даже упрямые шрамы смягчились. Линь Цзинь смотрел в окно, а Цэнь Цзибай, прислонившись к другой стенке повозки, молча наблюдал за ним.

Поля дышали ароматом зрелости и изобилия, сладковатый запах просачивался в повозку, навевая приятную дремоту. Атмосфера была слишком умиротворённой, и Цэнь Цзибай начал клевать носом, потихоньку заваливаясь набок. В тот миг, когда он уже почти свалился, Линь Цзинь ловко подхватил его и притянул к себе. Увидев безмятежное лицо Цэнь Цзибая, он улыбнулся уголками глаз и тоже закрыл веки.

Цэнь Цзибай не понимал, почему даже в повозке ему не удавалось вздремнуть, не прижавшись к Линь Цзиню. Но, заметив, что тому это не в тягость, он позволил себе пользоваться удобным случаем.

За последний год под предлогом отбора лошадей он проехал от северо-западных пустынь до северных земель, до города Юньчжан. Время текло неспешно, и вот настал восьмой месяц осени, девятый день — до нападения северных ди на заставу Ляньюнь оставалось шесть суток.

В шестидесяти ли к северу от Юньчжана находилась заставка Ляньюнь.

Армия семьи Линь охраняла её уже несколько столетий, и Ляньюнь давно перестала быть просто заставой, превратившись в важный северный город — место хранения запасов, дислокации войск и отдыха Северной армии.

Северные ворота заставы были наглухо заперты и отпирались лишь тогда, когда Северная армия выходила навстречу врагу. Лишь изредка через них пробирались лазутчики, чтобы разведать обстановку у ди. Но за последнюю сотню лет северные ди словно забыли об этом проходе в самые плодородные земли трёх северных округов. Даже если и появлялись у заставы, то держались в отдалении. С южной стороны городской стены не было — лишь заграждения. Входящие должны были предъявить подорожную и выдержать тщательный допрос стражников. Так было не только из-за важности Ляньюнь: в любом городе трёх северных округов надлежало получать пропуск в установленном месте — это был и способ пополнения местной казны.

Пока ждали очереди на въезд в Ляньюнь, Цэнь Цзибай вышел из повозки и заказал чаю в придорожной чайной, где обычно отдыхали крестьяне.

— В этом году урожай хороший, а я слышал, на севере уже год засуха стоит. Скот и травы-то не найдёт, с голоду и жажды дохнет... — толковал крепкий мужчина за соседним столиком.

— Ха! Значит, у ди дела отлично — каждый день свежатинку едят, — ввернул другой.

За столом грянул смех — явно радовались беде северных ди. На фоне здешнего изобилия радость эта была ещё слаще.

Отсмеявшись, кто-то спросил:

— А вдруг ди придут зерно грабить?

Тот, что говорил о дикой жизни ди, презрительно фыркнул:

— Да они нас одолеют?

В чайной воцарилось самодовольное настроение; прочие посетители, услышав это, тоже усмехнулись. Ляньюнь не брали уже несколько сотен лет, и боевые кони ди не появлялись у заставы десятки лет — Северная армия их напугала. В Цинчжоу ди и армия Линь ещё как-то тягались, а у Ляньюнь у тех и шансов не было.

У Цэнь Цзибая было с собой около двухсот человек под видом торгового каравана. Каждого проверяли, сверяя пропуска, и на весь отряд ушёл целый час, прежде чем все оказались в городе. Цэнь Цзибай со своими людьми вошёл первым, намереваясь найти харчевню и подождать там остальных, но на улице им сразу повстречался Сяхоу Лань, ответственный за торговое представительство Ли Му на севере, который уже два дня их поджидал.

Сяхоу Ланю было чуть за тридцать, статен, но вечно смотрел кисло, по привычке вздыхая. У него была любимая приговорка: «Эх, как же быть!» — не вопрос, а восклицание, и в сочетании с его скорбной физиономией это было нечто. Даже когда он улыбался, казалось, вот-вот расплачется.

Раньше он помогал Ли Му в Линьяне и Цэнь Цзибая не знал, зато Линь Цзиня видел пару раз. Вместе они поднялись в отдельную комнату на втором этаже харчевни, и Сяхоу Лань тут же принялся рассказывать о донесении, доставленном У Чжо.

Степь Чёрной Реки простиралась без края, и отыскать в ней следы ди без невероятной удачи было невысказано.

Но если ди собирались перевалить через горы, они должны были показаться к северу от Ляньюнь. Цэнь Цзибай знал лишь, что в прошлой жизни они пришли с востока, но точного места не помнил. На поверхности он отправил У Чжо через земли западных жунов на север закупать местный горный женьшень, а на деле велел примечать за передвижениями ди. У Чжо донёс, что у северных склонов гор внезапно объявилось порядка десяти тысяч ди, заподозрил неладное и отправил голубя с вестью, чтобы Сяхоу Лань в Юньчжане был в курсе.

Хотя Ли Му и жаждал внедриться на север со своими торговыми делами, сломать существующий порядок было трудно, да и мастерская, которой он ведал, не имела больших оборотных средств — за год не наладишь торговый путь с севера на юг. К счастью, перед отъездом Цэнь Цзибай отдал ему почти всё, что имел, и настоял, чтобы тот всеми силами втиснул своих людей на север. Ли Му, поразмыслив, пустил в ход все связи и уломал выступить покровителем Линь Ду. Семья Линь отправила письмо, и губернатор Юньчжана вместе с военным комендантом без проволочек разрешили Сяхоу Ланю вести торговлю.

Ди собрались к северу от гор Ляньюнь, но Ляньюнь неприступна. Как же они попадут в северные земли Ся? Разве что перелетят?

Чжун Сю погладил свою густую короткую бороду и недоумённо промолвил:

— Горы Ляньюнь тянутся на сотни ли с севера на юг, и местность там сложная. Разве они перевалят?

Он не был северянином, потому и спрашивал. Настоящий же уроженец севера даже мысли такой не допустил бы. Перевалить через Ляньюнь? Смех!

За сотни лет ни одно войско ди не перебиралось через эти горы.

— Раньше ди пытались, — нахмурился Линь Цзинь, тоже не понимая замысла ди на сей раз. — Но повозки и кони не проходили. Солдаты брали с собой двухдневный паёк и пытались перейти

пешком, да в горах и заблудились. Если же они на сей раз вздумают пройти через каньон Ляньюнь, то надо быть настороже. В прежние времена Ляньюнь брали дважды — из-за беспечности гарнизона. Но комендант Ляньюнь Ду Жухуэй, полагаю, до такого не допустит.

Ду Жухуэй пользовался полным доверием Линь Шу, иначе тот не поставил бы его охранять Ляньюнь. Линь Цзинь, естественно, верил в выбор отца.

Но доверие Линь Шу ещё не означало выдающихся полководческих талантов, тем более что Ляньюнь и так была крепким орешком. Ду Жухуэй не блистал особыми достоинствами, кроме беззаветной преданности семье Линь. Когда-то, будучи молодым офицером при Линь Шу, он даже заслонил его от меча, и с тех пор Линь относились к нему с особой теплотой.

— А если ди разделятся на две группы? — вдруг вступил Цэнь Цзибай. — Конница будет отвлекать гарнизон Ляньюнь снаружи, а пехота перевалит через хребет и захватит заставу. Ведь с юга войти куда легче. — Чтобы, если ди всё же возьмут Ляньюнь, они не смогли закупорить весь север, заставу изначально построили так: с севера, извне, подступиться к ней трудно, а с юга, изнутри, — гораздо проще. К северу она упиралась в каньон Ляньюнь, а к югу склоны постепенно выполаживались, переходя в предгорья, а дальше уже лежала равнина Юньчжоу.

В прошлой жизни Ду Жухуэй лично возглавил засаду на склонах каньона, заготовив камни и луки, чтобы встретить ди, но не ожидал удара с тыла. В панике он разделил войска, чтобы отбить заставу, но не удержался, а оставшийся гарнизон не смог сдержать натиск ди, ворвавшихся в каньон с гор.

Но Линь Цзинь счёл это невероятным. — Перевалить?

— Раньше не могли — не значит, что и сейчас не смогут, — сказал Цэнь Цзибай. — За эти годы сборщики трав, наверное, натоптали троп. Может, и впрямь есть проход.

— У ди сейчас сильная засуха, — ещё пуще сокрушённо вздохнул Сяхоу Лань. — Лучше рискнуть, чем с голоду помирать. Эх, как же быть... — Он взглянул на Сусинь. — Господин Цинь знает: некоторые травы собирают только в глухих дебрях. Мы тут лекарственным делом занимаемся, и женьшень столетней выдержки, и железную орхидею с отвесных скал — всё закупаем.

Сусинь кивнула.

— И вправду с той стороны гор доставляют, — подтвердил Сяхоу Лань.

<http://bllate.org/book/15933/1424085>